

Глава 1

Грозу в тот день никто не ждал

На кровати лежала женщина, а у женщины не было лица. И ее, конечно же, за это осуждали.

Она еще не осознала до конца, что случилось, и все надеялась на лучшее. После укола обезболивающего даже взбодрилась и теперь тянула руки к проходящим мимо врачам и медсестрам. Она умоляла их лишь об одном: дайте зеркало! Кто-нибудь, пожалуйста, дайте зеркало!

Она догадывалась о той новой правде, которой отныне будет наполнена вся ее жизнь. Просто верить не хотела.

Давать ей зеркало никто не спешил. У врачей не было на это времени: их не хватало, они разрывались между операционными залами и палатами. Медики, погруженные в мысли о лекарствах, диагнозах и возможных путях спасения, даже не слышали отчаянных просьб пациентки. Медсестры же слышали, но выполнять все равно не спешили. Одним было неловко и страшно рядом с ней, возле ее кровати они ускоряли шаг и старались не смотреть на женщину без лица. Другие бросали на нее укоризненные взгляды и ничего не говорили.

По крайней мере, не говорили ей. Друг с другом они ее обсуждали. Когда две медсестры, постарше и совсем

девчонка, проходили мимо, Полина услышала, как первая сказала коллеге:

— Доигралась, дура! А ведь какая красивая была, куколка просто... Ничего, теперь на всю жизнь урок получила.

Медсестры не злорадствовали и не злились, нет. Такая реакция ожидала потом женщину без лица и от других. Медики же воспринимали ее историю через призму своего печального опыта. Они здесь боролись за каждого пациента, оплакивали погибших, ликовали, если кого-то удавалось вытянуть с того света. Они пропитывались горем, которое обрушилось на людей внезапно и без причины. А женщина без лица казалась им грешницей, потому что ее горя было так легко избежать... Раньше. Теперь уже нет.

Полина знала ее историю — и потому что по работе полагалось, и потому что все тут уже знали. Эта женщина не должна была пострадать и остаться без лица. Она вообще не должна была оказаться на месте аварии! Но пока спасатели, рискуя жизнями, выводили и выносили с территории предприятия рабочих, женщина эта прокралась туда сама.

Потому что она, тогда еще здоровая и красивая, была блогером. Она гналась за интересными кадрами и не смогла пройти мимо завывающего сиренами и исходящего клубами пара здания. Она решила, что найдет безопасный путь, запишет несколько интересных роликов и проведет прямой эфир для тысяч своих подписчиков. После этого она, естественно, вернется. Все ведь верят, что непоправимое случается с другими, а они, такие уникальные, хранимы невидимой дланью судьбы.

Однако жизнь оказалась лотереей, и в этот день женщине выпал неудачный билет. Последним, что она запом-

нила перед тем, как потерять сознание, была струя раскаленного пара, ударившая ей в лицо.

Полина смотрела последнее видео, записанное женщиной, и признавала, что любительница соцсетей была красивой. Теперь уже нет — теперь над шеей начиналось нечто опухшее, красное, шелушащееся и покрытое густыми комками мази. Хотя женщине повезло, на самом-то деле. Сейчас это вряд ли очевидно — но повезло. Она сохранила глаза. Не всем в этот день выпала такая возможность.

Некоторое время Полина тоже не подходила к пациентке — не для того, чтобы наказать и потомить ожиданием, а чтобы проанализировать поведение женщины, понять, что она собой представляет, и наметить стратегию их разговора. Это не казалось сложным, поскольку Полина ее как раз не осуждала. Возможно, она была единственным человеком в здании, который этого не делал.

Потому что Полине уже доводилось работать с такими вот «селфи-жертвами» — не раз и не два. Она видела тех, кто после попытки снять удачный кадр остался искалеченным на всю жизнь. Она прекрасно знала, что через экран смартфона реальность попросту воспринималась иначе, это глушило и страх, и инстинкт самосохранения.

Когда те же люди видели перед собой огонь, обвал или оголенные провода, они реагировали иначе. Они пугались и бежали прочь — как и задумано природой. Однако экран смартфона делал опасности ненастоящими, не такими уж серьезными. Как будто всё происходит не здесь и сейчас, а в каком-нибудь фильме. И главный герой, не смотря на все опасности, обязательно выживет. Кто же убивает главного героя?

Поэтому те, кто заменил глаза смартфонами, подходили вплотную к диким животным, прыгали в огонь и сры-

вались с крыш. Они не хотели умирать. Они были уверены, что ничего плохого не случится, что за кадр не придется платить так много. Они умирали, а та самая аудитория, ради которой они старались, крутила пальцем у виска. Говорила о премии Дарвина. Освобождала себя от жалости осознанием чужой вины.

Полина же не назначала виноватых, потому что это не было ее работой. Ее работа — спасать.

Окончательно определившись с планом разговора, Полина направилась к женщине без лица. Та, заметив, что на нее наконец обратили внимание, замерла; теперь она смотрела на Полину слезящимися глазами — в прошлом восхитительно голубыми, а ныне исчерченными кровавыми прожилками.

— Здравствуйте, Татьяна. — Полина заняла стул возле кровати и улыбнулась пациентке. — Меня зовут Полина, я психолог.

— Психолог? Но у меня есть психотерапевтка, ее зовут Ульяна, она сейчас в Барселоне... Мы работаем уже два года, мне не это нужно!

Такой ответ Полину не удивил — не впервой сталкиваться с потоком слов, призванным унести подальше истинную проблему.

— Я не претендую на роль Ульяны в вашей жизни, — пояснила она. — Я психолог МЧС, я помогу вам понять, что произошло прямо сейчас. Как к вам лучше обращаться? Как вас называют друзья?

— Таша, — прошептала пациентка. — У меня что-то с лицом... Я его почти не чувствую! То есть чувствую, но как-то странно... Я уже сто раз попросила дать мне зеркало, но меня как будто никто не слышит! Я даже ощупать собственное лицо не могу, потому что — вот!

Таша подняла вверх обе руки, демонстрируя плотные белые повязки. Ожоги были и там: на левой — потому что женщина успела закрыть ею глаза и этим спасла их, на правой — потому что в ней Таша держала смартфон. Правая рука пострадала сильнее — врач сказал Полине, что с кожи пришлось срезать оплавившийся пластик.

— Вам сейчас не нужно зеркало, Таша, — мягко улыбнулась Полина. — Я расскажу вам, что произошло. Вас обожгло паром.

— Там не было пара! Я шла только туда, где не было пара, это точно, я же не дура какая! Клянусь! Там ничего не было!

Таша не выдержала, расплакалась. Полина пододвинула стул поближе, чтобы обнять дрожащие плечи пациентки.

— Таша, а теперь послушайте меня, прошу. Я буду говорить вам только правду. Сейчас вам нельзя смотреть в зеркало, потому что у вас может сложиться неверное впечатление о собственном будущем, это вас только расстроит. Вы когда-нибудь резали руку, Таша? Хотя бы чуть-чуть.

— Конечно! Со всеми же так было...

— Вот. Вы знаете, что какое-то время ранка выглядит не слишком приятно: она воспаляется, опухает, по краям появляется засохшая сукровица. Но потом все проходит, и кожа восстанавливается. То же самое с вашим лицом: сейчас вы на пике травмы. Дальше будет намного легче и лучше, поэтому просто не смотрите на то, что происходит сейчас, не нужно вам это.

Пациентка слушала ее — и успокаивалась. Полина знала, что так будет. Она работала уже много лет и изучила все свои преимущества и слабые места. Ее внешность не позволяла мгновенно получать дружеское доверие пациентов, зато она быстро производила впечатление челове-

ка, которому можно верить, который владеет ценной информацией, а не просто гуглить умеет.

Вот и теперь это работало. Таша как замороженная слушала ее спокойный бархатистый голос, и истерика отступала. Пациентка все еще плакала, однако нервная дрожь прошла, в голубых глазах мелькнула надежда.

— Значит, и шрама не останется? После царапин ведь шрамов не бывает?

— Иногда шрамы остаются и после царапин, — указала Полина. — И в вашем случае он, скорее всего, будет, Таша.

— Господи...

— Подождите, это еще не все. Я не сомневаюсь, что при первой же возможности вы начнете искать в интернете шрамы от ожогов и найдете совсем не то, что надо. Поэтому давайте я покажу вам пару картинок.

Наблюдая за ней со стороны, Полина подготовила и эту часть — визуальную, важную для таких людей, как Таша, связанных с интернетом и безоговорочно ему верящих. Психолог нашла примеры удачного заживления паровых ожогов, и теперь Таша смотрела не на ужасающие шрамы, которые с удовольствием демонстрировали, порой изготавливая с помощью грима, некоторые сайты, а на ровную, розоватую, туго натянутую кожу.

Для кого-то это стало бы хорошей новостью, но из глаз пациентки снова хлынули слезы. Таша попыталась прижать к лицу руки — и конечно же, не смогла.

— Я буду уродом! — всхлипнула она.

— Ни в коем случае. — Полина осторожно поглаживала ее по спине, говорила теперь тише, но все так же уверенно. — Таша, я просто не хочу, чтобы вы путали паровой ожог и полученный от открытого огня. У вас совсем неглубокое поражение тканей. Вам не понадобятся допол-

нительные операции. Вы выздоровеете от этого — как от болезни.

— Но я не буду прежней!

— Нет, не будете. Вы будете новой, но все равно прекрасной.

— Прекрасной? Да я буду пропаренным куском мяса! — Таша не выдержала, повысила голос. — Никто больше не станет смотреть мои видео! Лайки будут ставить только из жалости! Все начнут обсуждать, какой красивой я была и как тупо себя изуродовала! Думаете, я не знаю?!

Ее крики привлекли внимание. Ее осуждали теперь еще больше. Люди в белых халатах видели, как их пациенты теряют руки, ноги, глаза, как жизни теряют. Потеря лайков не впечатляла медиков, а злила. Кому-то из этих людей наверняка казалось, что Таша недостойна чудом доставшегося ей права жить нормальной жизнью после ошибки, которую совершила.

И только Полина понимала, что Таша на самом деле держалась не за подписчиков, лайки или эфиры. Она держалась за привычную жизнь, которая ускользала сквозь ее перебинтованные пальцы. Таша отчаянно не хотела обсуждать красавицу, которая каждое утро подмигивала ей из зеркала и будущее которой казалось гарантированно прекрасным.

Будущее же другой Таши, которую она пока не знала, стояло на руинах счастья и пугало неизвестностью. И никакое осознание ошибки тут не помогло бы, потому что не все можно исправить. Сама Таша наверняка знала, что сглупила, сунувшись на место аварии. И что она теперь могла сделать? Какую пользу принесло бы повторение одних и тех же обвинений? Хоть кому-то?

Поэтому Полина и считала обвинения излишними.

— Вам не обязательно менять свою жизнь кардинально, — сказала она. — Измените чуть-чуть — и добейтесь большего.

— Как это? — растерялась Таша.

— Переживите этот опыт — и поделитесь им. Расскажите миру свою историю. Предупредите других, чтобы не повторяли ваши ошибки.

Впервые с начала их разговора пациентка улыбнулась — робко, слабо, зато искренне.

— А ведь это можно... Я могу быть мотивационным спикером! Они тоже популярны!

— Вот видите? С вами случилась большая беда, но вы с ней обязательно справитесь, я вижу в вас силу, Таша.

— Да, я... Я тоже эту силу чувствую теперь! Спасибо вам! А вы проводите консультации?

— Нет, я работаю только на местах происшествий. Но вам это и не нужно, Таша, у вас все будет хорошо.

— Спасибо...

Перед уходом Полина обняла пациентку, а та прижалась к ней, доверчиво, как заплакавший ребенок. Полина ей не врала, она действительно видела, что Таша справится. Есть люди, которым нужно больше помощи, но эта пациентка была не из их числа. Одна нелепая ошибка не делала ее слабой и безмозглой и уж точно ни на чем не ставила крест.

Исправить нельзя только смерть, это Полина для себя определила уже давно. С остальным можно работать.

Таша стала ее последней пациенткой в этот день — и самой легкой по сравнению с остальными. Нужно было уходить, Полина чувствовала это: внутри уже клубилась пустота, которая становилась одним из финальных предупреждений перед срывом. Психологу хотелось помочь

всем и сразу, однако она стала слишком опытной, чтобы попадаться в эту ловушку.

Всем помочь нельзя. Можно лишь отдать запас собственных сил тем, кому хватит, — и на сегодня Полина этот запас израсходовала.

Она вышла на улицу, и там все было другим — летним, теплым, бурлящим. Толпа не думала о тех, кто оказался пойман в здание больницы, как в клетку. Толпа жила мыслями о работе, покупках, прогулках, отпуске на море и поездке на дачу в выходные. И это нормально, потому что жизнь рвалась вперед, она была основным потоком, а горе — лишь боковыми ручьями, ответвляющимися от него.

Полина остановилась на углу, подняла лицо к небу, чувствуя на коже уютное тепло вечернего солнца. Она прикрыла глаза и сделала глубокий вдох, прислушиваясь к ритму города. Чаще всего это помогало, но сегодня привычных мер оказалось недостаточно. Перед закрытыми глазами мелькали картины этого жуткого дня. Женщина без лица. Пожилой мужчина в ступоре уставился на руку — открытый перелом, оголенная кость. Красная кожа, желтые водянистые пузыри ожога. Рядом плачет парень — не потому, что ему больно. Потому что ожог не его. Если бы был его, он бы не плакал, он из тех, кто терпит с улыбкой и шуточками. Но ожог на коже его невесты, и парень хотел бы забрать ее страх и боль, но не может, и слезы льются сами...

Полина вздрогнула, открывая глаза. Ей показалось, что она снова чувствует острый запах лекарств и чуть приглушенный — обгоревшей кожи. Это не дело.

Она поспешила к метро. Там ей повезло: у перехода продавали садовые цветы с коробок, это не каждый день случалось. Полина, не торгуясь, купила огромный букет пионов — розовых и белых с тоненькими малиновыми

полосками на лепестках. Прижалась к цветам лицом, вдохнула поглубже. Она чувствовала шелковистую прохладу, видела удивительную красоту кремовых лепестков, ощущала запах — густую сладость, как будто проникавшую и в легкие, и в голову, отзывавшуюся где-то в районе лба спокойными волнами. Полина позволила этим пионам заслонить собой весь мир, стать единственным образом в ее мыслях, перекрывая остальные.

Сейчас это помогло, стало своего рода перезагрузкой. Однако Полина не позволила себе расслабиться, она понимала, что день был из трудных. Значит, чтобы он ослабил хватку, нужно нечто большее — и уж точно не одинокая ночь.

Поэтому Полина решила отправиться к мужу.

Они не договаривались, что она приедет сегодня. Несмотря на несколько лет официального брака, общим жильем они не обзавелись, да и не собирались. У каждого — своя территория, на которой супругу, впрочем, всегда находилось место. Вот и теперь Петр не удивился ее приходу, не стал возмущаться или настороженно расспрашивать. Он впустил Полину в дом и направился доставать большую вазу с антресолей.

Петр Олейников был удивительным созданием, это Полина поняла сразу. Если бы каждому человеку при рождении доставался тотемный зверь, Петр с уверенностью получил бы панду. Он сам был огромным, мирным и несколько ленивым. Он никогда не разменивался на бурные страсти — потому что попросту не мог их испытывать. Вся его жизнь была сытой, обеспеченной и успешной, и его это вполне устраивало.

Поначалу Полина еще подозревала, что все не так однозначно. Встречаются такие люди, которые внешне напоминают ледяную глыбу, а внутри, под этими льдами,

пылают вулканы. Однако Петр определенно не из их числа. В его душе шумели вечные бамбуковые рощи, далекие от ненужных переживаний и попыток изменить мир.

Кого-то такое оттолкнуло бы, а Полину, наоборот, привлекло. На фоне хаоса, которым была жизнь психолога МЧС, мир Петра оставался тихой гаванью. Туда Полина приходила, побитая чужими штормами, выпотрошенная, уставшая. Только Петру она могла спокойно рассказывать об обожженных женщинах и плачущих от горя мужчинах, зная, что его это не заденет — не сможет просто.

При этом дураком он не был — ни в коем случае. Он привлекал ее умом, успешностью, спокойствием. Естественно, ее собственная душа, сплетенная из совсем других нитей, любить его не могла. Но когда они познакомились, Полина в любви и не нуждалась, она восстанавливалась после любви. И Петр, стойкий, уверенный и неизменный в любых обстоятельствах, ускорил ее исцеление.

Она понимала и то, чем выгодна Петру — он ведь тоже ее не любил, попросту не был способен. Однако в сексе он нуждался, против интересной собеседницы не возражал, а главное, он рад был заполучить женщину, которая никогда не обвиняла его в недостатке романтики и не требовала рыцарских поступков.

На этом понимании их союз продержался несколько лет. Правда, теперь он должен был закончиться, но сегодня Полина заявила еще на правах законной супруги.

— Ужинать будешь? — спросил Петр.

— Нет, так вымоталась, что даже есть не хочу, веришь?

— Верю. Бывает. Хочешь, кофе с халвой сделаю?

— О, вот это удачная мысль, — оживилась Полина. —

Буду навеки благодарна!

— Что сегодня было?

— Промышленная авария. Крупная. Пострадали рабочие, наши ребята — спасатели, да еще девушка-блогер на свою беду сунулась...

— Я что-то такое слышал.

— Сейчас услышишь больше!

Она и правда пересказала ему все, что позволяла профессиональная этика. Полине это было нужно — чтобы отпустить жуткие образы из собственной памяти, чтобы они больше не кружили над ней, как стервятники. Она не позволила бы себе такого в общении с родственниками и подругами, потому что их бы эти истории задели, ранили, напугали. Но Петр? Он оставался скалой, по которой чужие беды стекали водопадами.

Поэтому Полине было хорошо здесь. Сидеть с ним, дышать пионами, греть руки о чашку кофе с халвой. Не любить своего мужа — но чувствовать себя в безопасности рядом с ним. Уж такое не все могут позволить. Жаль, что с этим придется заканчивать.

Этой ночью они спали в одной постели. Петр не возражал — он никогда не возражал, с чего бы? А Полине важно было почувствовать себя живой и заснуть рядом с уютным теплом другого человека. Она понятия не имела, что принесет завтрашний день, но хотела встречать его с прежним запасом энергии.

Это помогло. Утром она чувствовала, что силы вернулись, онемение прошло, ее больше не держали черные когти мрачных видений. Если бы ей удалось провести с Петром и утро, получилось бы вообще замечательно. Но не сложилось — с незапланированным визитом пожаловало официальное лицо сил зла.

Впрочем, нет, вряд ли незапланированным. Любовь Петровна всегда приходила в квартиру сына в удачное время — она избегала неловких постельных сцен, однако

не давала неугодной ей девице слишком уж обжиться в чужом гнезде. Полина не сомневалась, что этой даме за малую мзду докладывает кто-то из соседей. Она даже смогла бы вычислить, кто именно, да не хотела. Смысл? Она с самого начала знала, что Любовь Петровна — это сила, которую невозможно победить.

Собственно, именно эта сила когда-то стала основой их официального брака. Полина и Петр, познакомившись, быстро сошлись и ничего иного не желали. Их общение строилось на теплой дружбе и периодическом сексе, ни один из них не хотел большего.

Зато большего хотела Любовь Петровна. Она прекрасно знала, что в личной жизни ее сын тоже панда: если ему в клетку подсадят самочку — хорошо, если нет — гоняться за ней он не будет. Отношения с Полиной стали самыми долгими и серьезными в его жизни. Любовь Петровна предпочла не задумываться о том, есть ли там чувства и почему вообще так получилось. Ей хотелось закрепить успех и получить наконец-то внуков. Поэтому она с опытом многолетнего эксперта начала выклеивать печень всем вовлеченным сторонам и даже заручилась поддержкой родителей Полины.

Петр маму любил — спокойной, вялой, но единственной в его жизни любовью. Он не хотел ее расстраивать и попросил Полину подыграть. Она согласилась, потому что не нашла причин для отказа. Первое время Любовь Петровна даже была в эйфории — она победила, и это позволило ее воображению возвести воздушный замок этажей в десять.

Но время шло, и на новоиспеченную свекровь одно за другим обрушивались неприятные открытия. Например, то, что Полина не рвется рожать и сидеть дома с маленькими детками. Или то, что психолог МЧС — это такая про-

фессия, при которой приходится мчаться в другую страну вечером, хотя еще утром на это время планировался поход в театр. Да что там говорить, молодожены даже съехаться не потрудились!

Сначала деятельная старушка приуныла, а потом признала, что ошиблась в невестке и партию нужно переиграть. Она позволила Полине и Петру оставаться супругами, лишь пока подыскивала замену. Но теперь подходящая «хорошая тихая девочка» была найдена, и каждый раз, стоило только в квартире появиться Полине, Любовь Петровна вваливалась к сыну с инспекцией.

— Я очень рада, что старые чувства то и дело вспыхивают, но с этим нужно заканчивать, — вещала Любовь Петровна из коридора, пока они одевались в спальне.

Полина без труда представляла недовольно нахмуренные брови и поджатые ниточки губ свекрови, которой предстояло стать бывшей. Знала она и то, как пройдет разговор — почти дословно. Ее это не беспокоило, она осознавала, что Любовь Петровна не расстроена, пожилая женщина злится, а Петр... Петр по-прежнему панда. Панду можно разве что напугать, но для этого требуется горячий конфликт, которого не будет — не на чем ему гореть.

Если бы Петр не был пандой, он давно бы установил на дверях замки, которые невозможно открыть снаружи, когда изнутри вставлен ключ. Но хороший сын и мысли об этом не допускал — ведь это расстроило бы маму.

— Когда вообще завершится ваша эпопея с разводом? — поинтересовалась Любовь Петровна.

— Послезавтра.

— Вот и славно. Надеюсь, все имущественные споры улажены?